

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

¹Макаренко А.С.

¹ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия (344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42), e-mail: wbogdanov@gmail.com

Исследовано влияние трансформаций постиндустриального общества, связанное с атрибутивными характеристиками общества потребления на формирование механизмов и разрешение противоречий гражданского общества. Показано, что негативные коннотации, относимые Ж. Бодрийяром, Ж. Делезом, Ф. Гваттари к постиндустриальному обществу потребления и широко «разрекламированные» в отечественной исследовательской литературе, на самом деле лишь на первичном этапе несут в себе элементы дезинтеграции. Удовлетворение потребностей является одной из базовых функций гражданского общества и на определённом этапе порождает недоступные в рамках индустриальной эры механизмы и практики гражданского участия, самоорганизации, независимого социального контроля и самоорганизации с целью удовлетворения потребностей и повышения качества жизни. Тем самым общество потребления не только не препятствует развитию гражданского общества, но и выступает необходимой предпосылкой его полноценной эволюции. Показано сохранение оппозиционного характера гражданского общества по отношению к институту государства, несмотря на расширение функций постиндустриального социального государства и сближение их с функциями гражданского общества; противоречия между государством и гражданским обществом воспроизводятся в условиях новой информационной среды. Обосновано, что презентуемые в качестве разрушительных для социума постиндустриального общества потребления классиками постмодернизма знаково-символические формы, симулякры, тотальное влияние моды, игровой стиль отношений, социальная идентификация через эгоистическое потребление и пр. механизмы и практики, постепенно превращаются в орудия реализации ценностей и целей гражданского общества. А использование преимуществ, предоставляемых информационными технологиями и глобализационным стиранием барьеров, только усилило возможности и перспективы влияния гражданского общества на политические решения и деятельность национальных государств.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, гражданское общество, правовое сознание, противоречие, свобода, общество потребления

CIVIL SOCIETY WITHIN THE POSTMODERN CONSUMER SOCIETY

Makarenko A.S.¹

¹*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (344006, Rostov-on-Don, bolshaya sadovaya st., 105/42), e-mail: wbogdanov@gmail.com*

The paper presents the study of the influence of post-industrial society transformations connected with features of consumer society on the formation of mechanisms and resolving of contradictions of civil society. It is shown that negative connotations, which according to J. Baudrillard, G Deleuze, and P.-F. Guattari belong to the post-industrial consumer society and "advertized" by Russian research, appear to be destructive only at primary stages of the development of civil society. The satisfaction of wants is a basic function of civil society which at a point brings about certain mechanisms and practices of civil participation, independent public control and self-organization to satisfy wants and increase quality of life. These mechanisms and practices cannot be implemented within industrial society. Thus consumer society does not hinder the development of civil society; moreover, consumer society is a necessary factor of the full-scale evolution of civil society. The latter is displayed to be opposed to the state despite an increase in the number of functions of a post-industrial social state and their approximations with those of civil society. Contradictions between the state and civil society are reproduced within a new information environment. It is proved that the mechanisms and practices described by classics of post-modernism as destructive for post-industrial society transform gradually into tools of achieving goals and implementing values of civil society. To such mechanisms and practices belong signs and symbols, simulacra, fashion influence, social identification through egoistic consumption, etc. At the same time the use of advantages offered by information technology and globalization has increased opportunities and prospects of the influence of civil society on states' activities and political decisions.

Keywords: post-industrial society, civil society, legal consciousness, contradiction, freedom, consumer society

Переход к постиндустриальному обществу помимо тенденций глобализации характеризуется достаточно очевидным стремлением населения одних государств и реальным вхождением других государств в стадию, называемую исследователями «обществом потребления». Такая тенденция, возникшая вместе с достаточно изученной переориентацией хозяйственной деятельности во второй половине XX века в экономически развитых регионах, сопровождалась не только изменением роли сферы потребления и услуг в структуре экономики, но и мировоззренческими трансформациями общественного сознания. Одной из негативных тенденций становления постиндустриального общества потребления исследователи солидарно называли социальную деинтеграцию, приводящую к минимизации социального участия граждан и отмирания необходимости в институте гражданского общества. Технологические прорывы в сфере социальных коммуникаций многократно усилили непосредственную десоциализацию. Популяризируется позиция [7, С. 55], аргументирующая избыточность гражданского общества там, где действуют демократические институты выборов, существует возможность судебного разрешения споров и отстаивания прав.

Однако, в тот момент, когда институт гражданского общества, по прогнозу ряда авторов, должен был окончательно исчезнуть как «бесполезный рудимент», наблюдается «ренессанс» интереса к понятию и проблемам гражданского общества. Понятие гражданского общества оказалось в центре повышенного внимания обществоведов как отечественных, так и зарубежных исследователей в США, Западной и Восточной Европе в конце XX века, и количество публикаций по проблемам гражданского общества только увеличивается. Таким образом, актуальность исследования гражданского общества в связи с изменениями, происходящими в общественном сознании при переходе от индустриального к постиндустриальному обществу, обусловлена противоречивостью оценок места и роли общества потребления в формировании института гражданского общества; многообразием оснований, по которым одна и та же идея гражданского общества на разных стадиях социально-политического и экономического развития, выполняет различные интеграционные функции; различием в содержательном и функциональном наполнении концепта гражданского общества как междисциплинарном диалоге, так и внутри социально-философского дискурса; изменением механизмов и стратегий деятельности гражданских объединений в связи с изменением роли национального государства и расширением влияния наднациональных институтов; в связи с трансформацией ментальных оснований, коренящихся в информационной среде постиндустриального общества.

Постиндустриальное общество по своим базовым критериям ориентировано преимущественно на потребительские ценности общества. Экономическим основанием этих

ценностей соответственно может являться только высокий уровень покупательной способности населения, высокий уровень эффективности производства, производительности труда и постоянная инновационная конкуренция. Технологическим основанием общества потребления является высокий уровень информатизации и символизма. Потребительский интерес постиндустриального общества выходит далеко за границы жизненно важных, удовлетворяющих нужду материальных средств. В качестве базовых ценностей и необходимых потребностей рассматривается качество жизни, включающее нематериальные критерии и мотивации. Человек постиндустриального общества это не только и не столько «вещизм, приобретательство и эгоизм». Интерес человека в справедливости, экологии, «социально здоровом» климате, социальном участии в решении локально-национальных и глобальных проблем становится столь же популярным трендом, как совсем недавно таким трендом было самовыражение в статусном товаре. Последнее, хотя и остаётся, но выступает скорее показателем не столько успешности, сколько «болезнью роста», показателем того, что человек совсем недавно приобрёл более обеспеченный статус, освободился от суеты повседневных проблем выживания. Негативные, антисоциальные признаки постмодернистского общества потребления [3] (Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ф. Гваттари) остаются как в развитых, так и, тем более, в развивающихся странах (постмодернизм периферии - П.К. Гречко). Острота социального расслоения, политический интерес сглаживается и замещается стремлением к абгрейду, сближению в возможности потребления одинаковых услуг. Целенаправленной пропагандой потребительских ценностей государство отвлекает граждан от участия в политическом процессе, размывая формирование коллективной гражданской позиции, атомаризируя социум и направляя гражданскую активность в бесконечное русло приобретательства. Такая защитная политика государства от контроля со стороны организованных гражданских объединений с помощью идеологии (в прямом смысле слова «перевернутого сознания») ложных потребностей (Г.Маркузе) [1, С. 127] рассматривалась уже К.Марксом. К концу 20 в. реклама потребительского образа жизни стала основным орудием этой идеологии. Технический прогресс создал материальную базу для потребительского общества, а прорыв в развитии информационных технологий многократно усилил возможности влияния потребительской идеологии на формирование жизненных ориентиров граждан. Социальные мотивации, не связанные с материальным вознаграждением, перешли в разряд маргинальных («правдоискательство» в негативной коннотации) или хобби (волонтёрское движение).

И всё же негативные коннотации в отношении атрибутов общества потребления, при всей их обоснованности носят лишь временный преходящий характер, обнаруживаются на начальном этапе становления постиндустриального общества и в дальнейшем

преодолеваются в рамках самой потребительской идеологии и практики. В длительной перспективе «нематериальные ценности» Г. Инглхарта одерживают верх над пессимистическими выводами Ж. Бодрийяра и Ж. Делеза.

Набирает силу и становится трендом постматериальный интерес (Г. Инглхарт) [4] людей, выражающийся в активном социальном участии. Такая тенденция ещё не выражает тренд становления глобального гражданского общества, но свидетельствует о торможении процессов атомаризации и «возвращении» из отчуждения от социальной сущности человека. Неудовлетворенность результатами воцарения ценностей потребления выразилась в обратной тенденции к социоцентризму (альтруизм, волонтерство, проекты сбора средств, экологические группы). Эту тенденцию называют неогуманистическим мировоззрением [8, С. 5], направленным не только на личность, но и на социальную и экологическую систему. Отход от доминирования потребительских ценностей, социоцентристские тенденции в Западной Европе, наряду с мировоззрением «постматериализма» и «экоцентризма» были обозначены уже в начале 1990-х годов Р. Инглегартом [5, С. 289]. И предшествующие этому сдвигу потребительские, гедонистические ориентиры с их установкой на самоопределение и «самовыражение в потреблении» вовсе не были «разрушительными» отклонениями в развитии мировоззрения постиндустриального гражданского общества.

Потребительское общество – это не альтернатива и не иная качественная формация гражданского общества. Потребительское общество - важная составляющая гражданского общества, при этом необходимая, хотя и на определенном этапе выделяющаяся и доминирующая по отношению к другим. Когда в основном разрешена проблема защиты прав и свобод граждан, удовлетворение потребностей выходит на первый план. Однако прогресс неогуманистических ценностей в последнее десятилетие, ценность социального участия, экологизация человеческих ценностей позволяют говорить о том, что пессимистическое видение современного общества как саморазрушающегося, корящегося в фиктивных ценностях, представляло собой взгляд исследователей изнутри, без возможности видения более широкой исторической перспективы.

Метафизической основой такого общества потребления становится неограниченная субстанциализация человеческой субъективности. Особенности современного этапа трансформации антропоцентризма детально рассмотрены В.В. Богдановым: «не мир враждебно противостоит субъекту, а, наоборот, субъект противопоставил миру свои претензии. Разрешить противоречие можно путём преобразования внешних отношений, в отношения, соответствующие понятию духа и тем прийти к единству с самим собой» [2, С. 132]. Человек, возведённый в статус гегелевской субстанции-субъекта, больше не ищет вневременных сущностей. Всё сущее выражается им через категориальный аппарат

функциональности, соотнесённости с собственными интересами. Единственным ограничением для такого для-себя-сущего субъекта является другой такой же претендующий на смысл и «центр Вселенной» субъект. Популярная в современной философской литературе интерессубъективность является вынужденным самоограничением притязаний субъекта, который исключительно в целях самосохранения вынужден перестать настаивать на известной «только ему» истине, воспользовавшись дискурсом постмодерна заменив её конвенцией. «Философия повседневности» в своей этической толерантной основе оказалась более приспособленной к обществу потребления, нежели неконформистские константы классической этики. Диалог и компромисс стали единственными средствами достижения консенсуса. Право, все более реализуемое как договорное, на основе гармонизации потеряло единое основание в национальной традиции. Горизонтальные общественные связи стали доминировать над вертикальными, пирамидальная структура управления обществом всё чаще стала заменяться сотовой структурой самоуправления. Потребность в справедливости приобрела институциональные формы реализации. Основные функции гражданского общества реализовывались на системном уровне.

Общество, ориентированное на потребление, способно поддерживать если не восходящий, то, по крайней мере, устойчивый тренд, постоянно увеличивая производительность труда, технологически совершенствуясь, создавая во всех смыслах более привлекательное качество жизни. Высокое потребительское качество вещей переносится на высокое качество нематериальных услуг и отношений. Потребитель не делает исключения и для качества его информирования, обучения, управления. Правовая и этически нагруженная категория справедливости не становится исключением. Потребительский статус, самоопределение и самоидентификация через потребление не имеет желаемой ценности, если осуществляется на поле неравных возможностей. В разряд потребительски значимых ценностей попадают и базовые константы права: общеобязательность, равенство и свобода. Потребители с достатком выше среднего в развитых потребительских обществах, хотя и используют это преимущество для облегчения индивидуального самовыражения, имиджа, тем не менее, стремятся не выделять свои потенциальные финансовые возможности. Правилom «хорошего тона» становится благотворительность, сострадание, поддержка, непосредственная физическая помощь.

Необходимость в гражданском обществе соответствует в терминах теории потребления А. Маслоу [6, С. 80] «стремлению к принадлежности» (4 уровень потребностей) и актуализируется тогда, когда удовлетворены низшие потребности. В то время как потребность в индивидуализации, идентичности, самореализации принадлежат более высокому (5-й) уровню. Получается, что свойственная обществу потребления

востребованность в индивидуализации и самовыражении, самоидентификации через потребности возникает на базе уже в значительной степени сложившегося и осознанной принадлежности к гражданскому обществу (4 уровень). Возникновение общества потребления свидетельствовало о сложившемся гражданском обществе, поэтому на время острота этой потребности перешла в разряд потенциальных. (Ситуацию, когда возникает стремление к обществу потребления, без реализации потребности в гражданском обществе в развивающихся странах относят к искаженным структурам ценностей – с господством неплодотворных видов ориентации (Э.Фромм) - обществ «нужды»). С другой стороны, недоразвитость потребности в гражданском обществе свидетельствует и о не удовлетворенности потребности в безопасности (3 уровень): «так, стремление к принадлежности, включающее, кстати, и гражданскую позицию, «пробуждается» на пять процентов, если безопасность обеспечена на двадцать пять процентов, но она обнаружит себя на пятьдесят процентов, когда безопасность составит семьдесят процентов и т. д.» [9, С. 31].

Опора на конвенцию, компромисс, договор предполагает, что базовые цели гражданского общества – свобода, равенство, общеобязательность, справедливость, ответственность (прозрачность и подотчётность) – имеют не классическое метафизико-субстанциалистское, а политическое содержательное наполнение, которое не задано в своей конкретности в качестве вневременных предикатов естественного права, а формируется на основе intersubъективного диалога. Такое функциональное содержание целей и ценностей гражданского общества заранее предполагает их взаимное ограничение, трансформируемость, широкую горизонтальную интерпретируемость, конструируемость, бесконечную детализацию, контекстуальность, временную нормативную определенность, многоуровневый характер и правовую конкретизацию, сохраняя при этом юридическую общеобязательность и недопустимость противопоставления социального и индивидуального интереса. Такое, постоянно уточняющееся содержание договора гражданского общества с государством, предполагает перманентное состояние активности гражданского общества.

Таким образом, Ренессанс идеи гражданского общества в постиндустриальную эпоху в значительной степени связан с попыткой противостоять тенденции социальной фрагментации, атомаризации, прогрессирующей с развитием информационных технологий и идеологии общества потребления. Либеральный индивидуализм, воплотившийся в крайней форме постмодернизма 20 века преодолевается постиндустриальным концептом гражданского общества. Актуальность гражданского общества, рассматриваемого не только в признанной базовой оппозиции к государству, но и в имманентной ему функциональной стратегии удовлетворения потребностей, постоянно расширяемых трансформацией

жизненного мира (проекция за редким исключением обходимая вниманием исследователей), наиболее органично объясняется в условиях постиндустриального общества потребления. Постиндустриальное общество потребления, на начальных этапах характеризуемое под влиянием постмодернистского дискурса, как исключительно эгоистическое, разрушающее социальность и безоружное перед натиском транснациональных корпораций и связанных с ними национальных государств, в рамках собственных атрибутивных качеств в последнее десятилетие порождает недоступные в рамках индустриальной эры механизмы и практики гражданского участия, самоорганизации, независимого социального контроля и самоорганизации с целью удовлетворения потребностей и повышения качества жизни. Тем самым общество потребления не только не препятствует развитию гражданского общества, но и выступает необходимой предпосылкой его полноценной эволюции.

Список литературы

1. Американская социологическая мысль. — М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. — С.127-128.
2. Богданов В.В. Социальное противоречие как предмет философского анализа // Личность. Культура. Общество. — 2009. № 3. — С.132-138.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. — М.: Республика; Культурная революция, 2006.— 269 с.
4. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. — 1997. — № 4.
5. Инглеарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. — М., 1999. — С. 289.
6. Маслоу А. Г. Мотивация и личность. — СПб., 2001. — С. 80.
7. Сабуров Е.Ф. Гражданское общество и государство благосостояния // Человек и культура...». — М., 2008. — С.55.
8. Соловьёв А.В. Неогуманистические ценности как феномен современного гражданского общества США. Автореф. дисс..канд.филос.наук. — Москва, 2002. — 22с.
9. Шавель С.А. Потребление и стабильность общества: к методологии социологического анализа // Университетская трибуна. — Минск, 2009. №3. — С.18-35.

Рецензенты:

Папченко Е.В., д.филос.н., доцент, заведующий кафедрой философии Института управления в экономических, экологических и социальных системах федерального государственного

автономного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»,
г.Таганрог;

Лысак И.В., д.филол.н., профессор, профессор кафедры философии Института управления в
экономических, экологических и социальных системах федерального государственного
автономного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»,
г.Таганрог.